

Памяти Марии Скорняковой

Впервые я встретил Машу Скорнякову в конце 1960-х годов, когда она, выпускница Московского университета, пришла в ГИТИС, чтобы встретиться с Григорием Нерсесовичем Бояджиевым. Она занималась тогда историей итальянской драмы XVI века и писала работу о позднеренессансной пасторали. Пройдя в МГУ филологическую школу, она почувствовала, что должна научиться подходить к драматической литературе как к театральному тексту, воспринимать драму как часть истории сценического искусства. В университете этому не учили, и она пришла в ГИТИС. Кто лучше Бояджиева, с его ярким артистизмом, блестящим талантом педагога и способностью всей душой отдаваться сцене, мог дать ей ощутить театральную природу пьесы, преподать первые уроки театроведческой профессии. Она стала брать у него консультации ходить на его лекции и семинары: пройденная Скорняковой бояджиевская школа наложила печать на всю ее будущую судьбу. Она училась у него не так уж долго, но можно с уверенностью сказать, что Бояджиев был первым ее театральным учителем.

Мария Скорнякова вообще была счастлива в своих учителях. Когда она по совету (и с помощью) Бояджиева поступила в аспирантуру Института искусствознания, руководителем ее кандидатской диссертации стал Александр Абрамович Аникст. Третьим и, без сомнения главным, ее учителем стал Борис Исаакович Зингерман. Они работали вместе на секторе современного западного искусства, и Маша сделала его верной ученицей – не только в работе, но и в жизни: она приходила к нему и с вопросами профессиональными, и с личными проблемами – и мудрый Борис Исаакович, как всегда, давал проницательнейшие советы.

Мария Скорнякова быстро сложилась как личность сильная и целеустремленная, как профессионал самого высокого разбора. Одажды избрав в качестве предмета своих занятий итальянский театр, она осталась верна этой теме до последних дней – только из XVI века переступила в век XX. Она стала самым крупным в России театроведом-итальянистом, а применительно к истории современного театра Италии – единственным. Героями ее книг стали великие личности итальянской сцены – Эдуардо Де Филиппо, Лука Ронкони, Кармело Бене, Джорджио Стрелер. Ее прекрасно знали и высоко ценили в Италии. Я помню, с каким пиететом говорил о ней Ронкони, человек скептический и вовсе не склонный к восторженности. Итальянцы прекрасно чувствовали глубину и всесторонность ее знаний, зоркость ее театрального глаза, а главное – ее самозабвенную и нежную любовь к дорогой ее сердцу Италии, к ее театру, старому и нынешнему, к людям итальянской сцены – от эпохи Тристано Мартинелли до времен Марчелло Моретти и Феруччо Солери.

Последняя книга Скорняковой – о Стрелере. Она много лет – начиная от первых гастролей Пикколо – посвятила изучению пути гениального волшебника театра, магических тайн его режиссуры, она оставила нам вдохновенные и безукоризненно точные описания его спектаклей и репетиций. О Стрелере у нас писали много. Но никто с такой поэтической страстью и глубиной не проникал в самую суть его искусства и его личности, как это смогла сделать Мария Скорнякова. Ее тексты о стрелеровских «Арлекине», «Кампьялло», «Вишневом саде». До завершения ее главной книги оставалось совсем немного: всего две-три главы. Но судьба распорядилась иначе. Жизнь Марии Скорняковой оборвалась на взлете. Наш, ее коллег и друзей, прямой долг – опубликовать те части книги Скорняковой, что были ею написаны на протяжении последних лет ее жизни. Эти страницы дадут читателям возможность ощутить высоту ее прекрасного дара.

А. Бартошевич